

УДК 821.161.1(091)
ББК 83.3(4Рос)

О.Б. Заславский

**«УТЕС»
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА:
МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА
В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА**

Показано, что в стихотворении значим ряд фольклорных и мифологических (в том числе общемировых) образов и сюжетов – мировое древо, сказка о жар-птице, миф об Амуре и Психее. Во всех случаях стандартная схема значимо деформирована, так что в противоречии с оригиналом доминирует мотив одиночества и невозможность встречи. Также выявлены иконические элементы внутренней структуры текста, воплощающие основные мотивы произведения.

Ключевые слова: *мотив; структура; сюжет; подтекст; мировое древо.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-140-145

Заславский Олег Борисович – докт. физ.-мат. наук, ведущий научный сотрудник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина
E-mail: zaslav@ukr.net

*Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;*

*Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.*

М.Ю. Лермонтов

Стихотворение «Утес» неоднократно становилось предметом специальных разборов. Однако в их заметной части доминирует импрессионистический стиль, из-за чего анализ во многом подменяется общими рассуждениями о сильном эмоциональном впечатлении, производимом данным произведением. Цель настоящей заметки состоит в том, чтобы указать несколько аспектов, где, как нам представляется, можно продвинуться в понимании художественной структуры данного произведения, не прибегая к трудно проверяемым субъективным утверждениям.

Образ мирового древа

Художественное пространство стихотворения распадается на три основных зоны. Это – небо («лазурь», по которой умчалась тучка), земля, представленная пустыней, и утес, их соединяющий. Такая трехчленная структура типична для картины мира, в которой мировое древо (функцию которого в данном случае выполняет громадный утес) выполняет срединную объединительную функцию [Мифы народов мира, 1987, с. 398 – 400]. Причем антропоморфная тучка, нашедшая временное пристанище, оказывается как

раз в срединной зоне (на груди утеса-великана), где обычно на мировом древе находятся земные существа.

Тем самым, номинально утес выполняет, казалось бы, объединительную функцию. Но именно соотнесение с таким универсальным образом позволяет увидеть принципиальное отклонение от него, так как утес воплощает здесь тему одиночества, причем вдвойне – это относится как к статической норме (он находится в пустыне), так и случайной динамической «флуктуации» (эпизоду с тучкой).

В поэзии Лермонтова образ мирового древа неявным образом возникал в стихотворении «Выхожу один я на дорогу», которое занимает принципиальное место в эволюции позднего Лермонтова. В нем первоначальная разорванность и противопоставление полярных начал, характерные для Лермонтова, заменяется объединением [Лотман, 1988, с. 234]. Однако, как мы видим, примерно в то же время тот же образ возникает у Лермонтова и в принципиально другом контексте, указывая, наоборот, на невозможность достижения гармонии. Ранее нам уже приходилось указывать на сложность эволюции позднего Лермонтова и вносить коррективы в эти наблюдения Лотмана [Заславский, 2016, с. 15]. Представленные выше соображения представляют собой еще один пример такого рода.

Фольклорный и мифологический сюжеты: жар-птица, Амур и Психея

Сюжет стихотворения может быть описан, в общих словах, следующим образом. Некоторое существо проводит ночь любви, а затем исчезает, причем на одном из влюбленных остается след. Но это – не что иное, как ситуация мифа об Амуре и Психее, и вместе с тем – данного стихотворения (вместо капли масла – здесь влажный след, оставленный тучкой). Дополнительно, здесь значим мотив летучести (улетающая тучка – улетающий Амур). Однако в данном случае миф трансформирован: исчезает не мужской персонаж (Амур или Купидон в мифе), а женский (тучка). Причем оставшийся, в отличие от мифа (где Амур и Психея воссоединяются), не имеет шансов найти исчезнувшего, поскольку является воплощением неподвижности. И здесь (как и в случае с образом мирового древа) проекция на общеевропейскую стандартную культурную схему только подчеркивает безнадежность положения.

Кроме того, в стихотворении можно видеть и преломление сказочного сюжета о жар-птице, которая оставляет золотое перо (свой след) и улетает. С этим согласуется и эпитет «золотая». Но и в данном случае, по контрасту со сказочным сюжетом об успешном добывании невесты – жар-птицы, персонаж (утес) остается в состоянии полного и вечного одиночества.

«Утес» и «Анчар»

Мы хотим также обратить внимание на литературный подтекст, связанный с данным стихотворением мотивом полного одиночества. Это – пушкинский «Анчар». Утес остается один в пустыне, Анчар –

«один во всей вселенной» – отделен от нормального мира. Пушкинское стихотворение начинается со слов «в пустыне», а лермонтовское ими как раз заканчивается. Упомянется в «Анчаре» и туча, оставляющая след: «И если туча оросит, // Блуждая, лист его дремучий, // С его ветвей уж ядовит // Стекает дождь в песок горячий.» Источник смерти из пушкинского стихотворения превратился у Лермонтова в страдающего субъекта.

Оставленный след

Тучка названа золотой. Можно понимать это как результат освещения солнечными лучами. Однако этот эпитет возникает еще до того, как сказано о наступлении утра, – в 1-й строке, где говорится о ночлеге тучки. Получается, что воздействие солнца оказалось неотчуждаемым отпечатком, идентифицирующим персонаж. Этот отпечаток остается даже при отсутствии фактора, который его вызывает. Так и утес хранит след тучки, хотя она уже улетела. Тем самым, мотив следа, который оставляет внешний агент, в стихотворении удвоен.

Персонажи и их звуковые лейтмотивы

Слова, обозначающие персонажей («тучка» и «утес»), имеют общий фрагмент из двух элементов. В 1-й строфе (в основном связанной с тучкой) встречается наименование ТУчка, а также 3 слова УТеса, УТром, ПУТЬ. Во 2-й строфе, в основном посвященной утесу, 4 раза повторяются звуки (буквы) его имени и эпитета «старый»: СТАрого УТеСа, СТойт, ПУСТыне. Таким образом, наблюдается почти полная симметрия: 4 наименования в 1-й строфе (одно, связанное с именем тучки, и три – с именем утеса) и 4 во 2-й (все – относящиеся к утесу). Суммарно, получается только 1 сочетание рассматриваемого типа, относящееся к имени тучки, и 7 – к имени утеса. Тучка представляет собой персонаж с противоположным (относительно утеса) порядком следования ключевых букв, который нигде больше не повторяется. Тем самым при помощи имен, метонимически воплощающих самих персонажей, показана невозможность единения.

След в морщине и след в структуре

Стихотворение, как известно, написано хореем. Но на его фоне значение приобретают мельчайшие вариации из-за присутствия пиррихий. В 1-й строфе, в которой описаны действия тучки, 1-я, 2-я и 4-я строки имеют полностью одинаковую структуру – – + – + – – – + – (где «–» относится к безударному слогу, а «+» – к ударному). Во 2-й строфе, где описан результат этих действий для утеса, такую же структуру имеет 3-я строка. В этом смысле ее можно считать «следом», оставшимся от тучки.

Еще одним способом воплощения «следа» служит графика. Длина строк в 1-й строфе сначала увеличивается (от 1-й строки к 3-й), затем в 4-й строке уменьшается. Во 2-й строфе – сначала уменьшается (от 1-й ко 2-й), потом в 3-й и 4-й строках растет. Если присмотреться к геометрическим фигурам, образованным концами строк, то в 1-й и во 2-й строках они дополнительно друг другу. В 1-й строфе (посвя-

щенной тучке) эта фигура имеет вид наконечника стрелы, направленного наружу, а во 2-й (посвященной утесу) – вовнутрь, как если бы это представляло собой след, оставленный в утесе тучкой.

Переносы

Как заметил Д. Секе [Секе, 1966, с. 40], у Лермонтова в трех стихотворениях («Утес», «На севере диком», «Парус») слово «одинок» стоит в конце строки и поэтому, по мнению исследователя, само называется «одиноким», тем самым иконически воплощая идею в структуре. Наблюдения Секе по поводу места этого слова в строке, а также его утверждение о том, что такие вещи нагружены семантически, представляются безусловно верными и важными. Однако конкретная реализация этих принципов, как они изложены в работе Д. Секе, по нашему мнению, неубедительна. Сам по себе тот факт, что слово стоит в конце строки, еще недостаточен для воплощения мотива одиночества – иначе пришлось бы считать таковыми последние слова всех строк, а также все первые (поскольку в той же строке у них нет соседей с одной из сторон).

Содержательность, по нашему мнению, этот прием приобретает по другой причине. Дело здесь заключается в сочетании слова «одинок» с переносом (о чем Секе упоминает, не делая вывода). Фраза не обрывается, а продолжается в следующей строке, где продолжается и рассказ об одиночестве. Тем самым само свойство одиночества как бы переносится из одной строки в другую, получает длительность и не заканчивается. Причем это тем более содержательно, что сам по себе переход в следующую строку (т.е. воссоединение с другими словами), казалось бы, должен противостоять одиночеству.

В данном контексте стоит еще обратить внимание на место, которое занимает слово «пустыня». Оно завершает не только стихотворение, но и сам по себе мотив одиночества. Если его мысленно убрать, получится просто метафора неудавшейся любовной истории. Однако появление этого слова переводит ситуацию в другой регистр и делает одиночество экзистенциально значимым фактором. Пустыня – воплощенное ничто, зона отсутствия, окружающая единственный персонаж – утес, который после ухода тучки остается в абсолютном одиночестве. Неслучайно слово «пУСТыня» анаграмматически воплощает основные звуки слова «утес». И это слово, стоящее в конце текста, соседствует с полным отсутствием слов, в результате чего семантизируется его пространственное положение. Причем значимость именно пространственной категории усиливается тем, что само слово «пустыня» указывает на тип пространства. Дополнительно эффект усиливается графически: маленькое стихотворение оказывается на фоне большого пустого поля страницы (ср. с ролью пустого пространства в тетради, в которой был написан «Штосс» [Заславский, 2012, с. 55]).

Характер длительности

Если подходить к делу реалистически, то следовало бы признать, что «плач» утеса будет длиться недолго – пока под солнцем пустыни

не высохнет вода, конденсировавшаяся в результате пребывания тучки. Однако все в стихотворении говорит, что поэтическое здесь решительно расходится с физическим. Уже само противопоставление с противительным союзом «но» в начале 2-й строфы указывает на то, что этот след противопоставлен мимолетному пребыванию тучки и потому реализует оппозицию «мимолетное – вечное». Об этом же говорит и «остановленное» настоящее время, указывающее на процесс, в котором не видно никакого конца. Также, впечатление и эмоции, доставшиеся на долю утеса, не определяются одним лишь водным следом и продолжаются без окончания. Все это вписывается в общую поэтику Лермонтова, в которой важную роль играет мотив вечного, никогда не заканчивающегося одиночества [Заславский, 2015, 2016].

Заключение

Идея одиночества и невозможности встречи воплощена в стихотворении целым рядом способов. В том числе это относится к использованию стандартных и универсальных сюжетов и образов. Их переосмысление приобретает трагическое звучание, отсутствовавшее в оригиналах.

Литература

Заславский О. Б. Закончен ли «Штосс»? // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71, № 4. С. 52 – 59.

Заславский О. Б. Парадоксы вечности в поэтике Лермонтова // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75, № 1. С. 5 – 16.

Заславский О. Б. Тема и структура стихотворения «На севере диком...» // Тарханский вестн. 2015. Вып. 27. С. 51 – 57.

Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954 – 1957. Т. 2: Стихотворения, 1832 – 1841. 1954

Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988.

Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987.

Секе Д. О структуре стихотворения Лермонтова «Утес» // *Dissertationes Slavicae, Slavistische mitteilungen, Материалы и сообщения по славяноведению*. IV, Szeged, 1966. С. 39 - 40.

References

Zaslavskiy O. B. Zakonchen li “Shtoss”? *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2012, vol. 71, no. 4. pp. 52-59 (In Russian).

Zaslavskiy O. B. Tema i struktura stikhotvoreniya «Na severe dikom...». *Tarkhanskiy vestn.*, 2015, vol. 27, pp. 51-57. (In Russian).

Zaslavskiy O. B. Paradoksy vechnosti v poehtike Lermontova. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. Т. 75. 2016, no. 1, pp. 5-16. (In Russian).

Lermontov M. Yu. *Sochineniya: v 6 t.* М.; Л., Izd-vo AN SSSR, 1954-1957, vol. 2: Stikhotvoreniya, 1832-1841. 1954. (In Russian).

Lotman Yu. M. *V shkole poehticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol’*. М. 1988. (In Russian).

Seke D. O strukture stikhotvoreniya Lermontova “Utyos”, *Dissertationes Slavicae, Slavistische mitteilungen, Materialy i soobshcheniya po slavyanovedeniyu*. IV, Szeged, 1966. Pp 39-40.

Oleg B. Zaslavsky (Kharkiv, Ukraine)

M. Yu. Lermontov's "The Cliff": Motive of Loneliness in the Structure of the Text

It is shown that in the poem a number of folklore and mythological (including universal) images and plots are significant – the world tree, the tale of the firebird, the myth of Cupid and Psyche. In all cases, the standard scheme is significantly deformed, so that the motive of loneliness and the impossibility of meeting dominate in contradiction with the original. Also it is identified the iconic elements of the internal structure of the text, embodying the main motives of the work.

Key words: *motive, structure, plot, subtext, world tree.*

Oleg B. Zaslavsky – grand Ph.D. of Physical and Mathematical Sciences, senior scientific researcher. Kharkiv National University of V.N. Karazin.

E-mail: zaslav@ukr.net